

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА Я.П.ПОЛОНСКОГО 1860 – 1890-х ГОДОВ: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Постановка проблемы. Проблема всестороннего научного представления о творческом наследии, жизни и личности поэта XIX в. Я.П. Полонского не разрешена. Автобиографическая и мемуарная проза, а в значительной степени и поэзия Я.Полонского занимают особенное место среди документальных источников его жизнеописания. Следует помнить, что биографические реалии поэтической личности становятся реалиями его поэтического мира. И в этом плане повышается значимость индивидуально-психологического начала (событийно-биографического фактора) в создании литературного образа поэта.

Цель статьи – определить степень соотношения биографического и вымышленного, условно-поэтического в структуре образа литературной личности Я.П. Полонского. **Задачи:** 1) проанализировать, как в поэзии и прозе 1860 – 1890-х гг. актуализируется событийно-биографический ряд и 2) проследить, как историко-литературные и биографические материалы способствуют современной реконструкции авторизованного биографического мифа.

Научно-теоретическую базу работы составили труды М.М. Бахтина, А.И. Белецкого, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.Я. Гинзбург, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума, Б.О. Кормана, Р. Барта и др.

Лирический герой Я.П. Полонского первого периода творчества (1840 – 1860-е гг.) создавался в рамках романтической традиции 1820 – 1840-х гг., в отдельных конкретных случаях – пушкинско-лермонтовские традиции. Читатель-современник раннего Полонского выводил представление о его литературной личности из представлений о его лирическом герое. Характеристики лирического героя раннего Полонского отрабатываются в процессе индивидуальной авторской интерпретации традиционно-романтических мотивов.

В контексте требований поэзии 1860 – 1890-х гг. лирический герой Полонского изменил свои социальные и нравственно-этические характеристики (гражданственность устремлений, "всеотзывчивость", оправданная эмоциональность), что связано, по-видимому, с развитием реалистических тенденций в русской поэзии, обостренным интересом к общественной роли поэта в России с середины 1850-х годов, а также с возрастом, художественной зрелостью Я.П. Полонского. Взаимозависимость лирического героя и литературной личности с конца 1850-х гг. становится более тесной. Поэтический образ Я.П. Полонского (лирический герой) реально созвучен психологическому складу его личности (честность, мягкость, ранимость и

одновременно – гордость, самосознание), что дало яркий устойчивый эффект предельной авторской откровенности.

В поэзии 1860 – 1890-х гг. наблюдается тенденция к замене поэтически-постулируемой откровенности открытым автобиографизмом. В условиях же реального бытования литературной личности и салонного общения поведенческие установки на жизнетворчество сохраняют свою актуальность и "работают" на сознательное, целенаправленное моделирование литературного амплуа поэта. В этом духе отрабатывается автобиографическая проза Я.П. Полонского, которая имеет несомненные следы авторского осмысления себя и своей судьбы в истории России, авторской работы над своим историческим и литературным образом, что в целом характерно для мемуарного жанра вообще.

В автобиографической прозе Я.П. Полонский эстетически организует материал в соответствии с собственным представлением о том, "какой должна быть автобиография поэта" [14, с.141], как она отражает его пребывание в современности, его включенность в общественно-исторический ход событий [10, 16]. Суть мемуаристики – в ретроспективном осмыслении прошлого в той мере, в какой оно полно смысла для сегодняшнего дня [11, с.89]. Обращение Я. Полонского к мемуаристике – не только следствие возрастной ностальгии, но и способ утверждения своего писательского имени в истории литературы. Ю. Никольский достаточно категорично заявлял в 1917 г., что для Полонского "не было радостью быть безымянным, народным поэтом", смысл "действия искусства" он видел в личном бессмертии [12, с.103]. Мысль труднодоказуемая. Но верно то, что "автобиографическая проза" Я.П. Полонского создавалась довольно долго (почти 30 – 35 лет) и хранит видимые следы целенаправленной работы над собственным литературным образом. Тем более, что в эти годы (с середины 1850-х) возрос интерес читательской аудитории к личности литератора. Появляется небывалое количество публикаций биографического плана. В 1854 г. И.С. Тургенев предоставил "Современнику" некоторые стихотворения Е.А. Баратынского, его переписку с женой, Пушкиным, Дельвигом и приписал: "Нас, русских, часто и справедливо упрекали в равнодушии к нашим литературным славам, в отсутствии похвального желания ближе познакомиться с самою личностью, с жизнью наших поэтов; в последнее время, однако, стала заметна перемена к лучшему" [21, с.148]. Только в "Современнике" в течение 1854 г. публикуются: "Жизнь и драматические произведения Ричарда Шеридана" А.В. Дружинина; "Дельвиг" (цикл статей) В.П. Гаевского; "Опыт биографии Н.В. Гоголя" (П.А. Кулиша); "Воспоминания о Гоголе" (По поводу опыта его биографии) М.Н. Лонгинова; лекции В. Теккеря об английских юмористах, ст. Л. Ломени "Бомарше"; воспоминания А.В. Дружинина о русском художнике П.А. Федотове. В 1855 г. А.В. Дружинин пишет критическую статью "Георг Крабб и его произведения", П.В. Анненков работает над одиннадцатым изданием "Сочинений А.С. Пушкина", где целый том должна занять биография Пушкина. Успешно

публикуется "Жизнь Жоржа Занда" Н.Г. Чернышевского. Публика, увидав, вместо "воображаемых ею угрюмых и задорных чудаков" (И.И. Панаев), какими представлялись ей поэты и писатели, людей "благовоспитанных и привлекательных", осталась "крайне довольна и <...> устроила моду на поэзию и литераторов" [16, с.98], обрядив, однако, последних в губительные для искусства "светские маски". "Литератор нашего времени, относительно литературных дел, должен быть Чайльд Гарольдом или Печориним, – иначе ему нет спасения", – охарактеризовал публичный идеал поэта И.И. Панаев. "Его один вид должен говорить зрителю: "Я не писатель, я не труженик – я человек света", обязанный "выезжать, острить, непрерывно обедать в гостях" [16, с.99]. Но "нельзя в одно время служить трем господам, то есть самому себе, свету и поэзии!", – констатировал критик [16, с.99].

Будем иметь в виду, что воспоминания, дневниковые записи Я.П. Полонского также рассчитаны на более или менее широкую читательскую аудиторию. Остаться в памяти поколений – проблема, волнующая Полонского еще в конце 50-х – начале 60-х годов, когда он только создает свое литературное имя, "лицо". Поэтому его дневниковые записи нерегулярны, как правило, носят "итоговый" характер. В частности, записи за 1858 – 1860 гг. объединены авторским вступительным словом (в дневнике!): "Эти годы были так полны всякого рода треволнений – борьбы, горя, надежд, отчаянья, любви и горьких слез – слез, которые до сих пор зудят в глазах и текут по щекам моим. Грусть моя стала хронической, и я не знаю, когда я от нее отделаюсь. У меня нет памяти, я не помню собственных имен, чисел, но у меня много воспоминаний. Записать их, однако же, дело нелегкое, для меня, по крайней мере" [8, л.23]. Последующие слова Полонского дают ключ к восприятию его дневников и формулируют авторскую цель: "Я желал бы не щадить себя – ни в чем себя не оправдывать – говорить о себе, как о лице, мне совершенно постороннем. Я, сказать по совести, очень желаю, чтоб когда-нибудь, кто-н. из старых, переживших меня друзей моих открыл эту книгу... и мысленно пережил несколько минут из жизни уже несуществующего Полонского. Вот в этом-то и заключается наше земное бессмертие. О загробном бессмертии знает Бог или никто не знает <...> У всякого есть свои сны наяву. Но для этих снов еще не выдуман никаких истолкований. Они отчасти умирают с нами, отчасти переходят в потомство" [8, л.24-25]. Дневники Полонского, его воспоминания переписаны Ж.А. Полонской. (Ныне хранятся в архиве РГАЛИ, частично были опубликованы в № 1-4 "Голоса минувшего" за 1919 г.). Нет сомнения, что в них, а также в эпистолярной Я.П. Полонский сознательно работает над своим писательским образом, предусматривая будущее прочтение этих материалов и многомерное восприятие своего "я" в историко-литературном и бытийном контексте.

Тема патриотизма, вовлеченность в исторические процессы отечества являются одним из аспектов проявления автобиографичности в творчестве Я.П. Полонского.

С середины 1850-х гг. Я.П. Полонский видит свою творческую судьбу в контексте современной истории. Гражданские мотивы обретают у него все большую значимость. Важнейшим катализатором в переосмыслении ценностной системы Я.П. Полонского явились события Крымской кампании. Положение стороннего наблюдателя не удовлетворяет поэта – он участвует в истории через мир поэзии. Об этом – немногочисленные стихотворения Я.П. Полонского, посвященные Крымской войне: "Заступница" (1851), "Рыцарская ошибка" (1854), органически вписавшиеся в общий контекст религиозно-философской поэзии 1850-х гг.; "На Черном море" (1855), написанное под впечатлением Севастопольских событий, и "Молитва" (рубеж 1855-1856) – философское раздумье над отвлеченными категориями гуманизма и всепрощающей любви.

В 1850-е гг. поэт все еще верен призванию романтика. Сопереживая, он уходит от действительности в творчество. "Я чувствую невольное отвращение от всякого политического стихотворения; мне кажется, в самом искреннем политическом стихотворении столько же лжи и неправды, сколько и в самой политике" [8, л.5-6], – пишет Полонский в дневнике 12 января 1856 г. При этом в реальной жизни Полонский внимательно следит за политическими событиями, свидетельством чему записи в дневнике за 1855 г. (ноябрь – декабрь) о деле Н.А. Мордвинова [5].

Гражданственность Я.П. Полонского исключает четкую идеологическую конкретизацию. «Я всю жизнь был ничей, для того, чтобы принадлежать всем, кому я понадобится, а не кому-нибудь», – писал он А.П. Чехову [14, с.46]. Этой доктрине и подчинена его деятельность как профессионального литератора. В нескольких произведениях поэт непосредственно мотивирует такое истолкование темы поэта и поэзии ("Поэзия", "Муза", "Загадка" и др.). Так, в стихотворении "В степи" (<1875>) поэт по-прежнему пророк, прорицатель Божьей воли, по-прежнему одинок и – главное – не понят молодым поколением. <...> А те, что родились позднее нас, идут

За призраком давно потухшей в нас надежды:

Они для нас, а мы для них – невежды,

У них свои певцы, они свое поют...

"Томит предчувствием болезненный покой...", 1885 [4, т.1, с.233]. Но и новые певцы сродни поэту по духу, он видит в них свое поэтическое продолжение:

<...> И пусть я им внимаю

И радуюсь, что я их слезы понимаю,

И, чуя в их сердцах моей богини тень,

Молю бессмертную благословить тот день,

Когда мы на земле сошлись для песен [4, т.1, с.233].

Полонский горд бессмертием его Музы, их земной союз благословен. Однако высокое чувство приобщения к бессмертию поэзии сосуществует с земной страстью – добиться литературного признания. Я.П. Полонский

достаточно ясно осознает движение истории и "статичность" своего мировоззрения, несоответствие его социальным требованиям настоящего. Его поэзия действительно считается "образцовой" (так говорят о ней даже беллетристы, не очень-то жалующие Полонского), но устаревшей. "Вот Буренин недавно напечатал, что мне с Майковым вдвоем 200 лет, – жаловался Я.П. Полонский А.А. Фету в письме от 3 ноября 1891г., – что я пишу даже дурнейшими стихами, что я пережитый талант (а стало быть я не заслуживаю Пушкинской премии, якобы только поощрительной премии) <...> Прежде меня ругали, теперь ругают тех, кто меня хвалит. Досталось Астафьеву за похвалу Собакам, досталось Поливанову, как он – какой-то там директор какой-то гимназии смог писать о стихах моих!.. Тьфу! В какое скверное время мы живем" [9, л.36-37].

На Полонского смотрят как на представителя старой школы, у него стоит поучиться, но вряд ли следует подражать ему.

С досады на судьбу пишу тебе стихами
 А 1а Случевский – и пишу, как он,
 Не исправляя ни единой строчки <...>
 Э, все равно! Случевский современный
 Пиита и – ему я подражаю:
 К нему снисходит публика, – ко мне,
 Надеюсь, Майков будет снисходить.

"<Письмо к А.Н. Майкову>", 1855,4 июля [4, т.1, с.236].

Выпад против К.К. Случевского нужно расценивать как болезненную реакцию на происходящие процессы в русской культуре вообще. "Спросите теперь любого молодого студента или юношу, какой его любимый поэт, – писал Полонский Л.И. Псшиванову в 1892 г. – Он удивится. Молодежь – и в том числе и мой сын – прямо заявляют мне, что в поэзии не находят они ничего дурного, но она мало их занимает – она отошла уже на последний план или уступила место иным вопросам – вопросам политики и социологии <...> Припоминая сороковые годы, когда стихи не только читались, но и запоминались, невольно скажешь – нет, теперь другой дует ветер <...>" [20, с.275].

В 1870-х – начале 1880-х гг. гражданские темы еще всерьез занимают поэта, однако к концу 1880-х гг. они покидают поэзию Полонского, переходя в сферу частных бесед, писем, общественных заявлений. (Обильный фактаж в этом плане представляет С.С. Тхоржевский [19]). Редкие проявления гражданской лирики носят инертный характер. По своей нелабильности, неспособности перестраивать творческие методы, Полонский утрачивает былую легкость стиха, происходит сдвиг к рационализму, по крайней мере, в произведениях социальной тематики. "Отзывчивый сын своего века, Полонский был впечатлителен и к тем движениям новейшей истории, которые имели антипоэтический характер, – утверждал В.С.Соловьев. – Во многих его стихотворениях преобладает рассудочная рефлексия и прозаический реализм"

[17, с.319]. Отношения современников Полонского к подобной тенденции в его поэзии неоднозначно. Л.Л. Поливанов в предисловии к сборнику Я.П. Полонского "Вечерний звон" (1887 – 1890) подчеркивает глубокую мотивированность "его недоверия к служению поэзии тем житейским злобам дня, которые всецело поглощали его современников, отказавшихся от идей высшего порядка": "Он глубоко чувствовал, что житейские тревоги, болезненно помутившие его современников, могли бы и должны были бы получить иное разрешение, если бы разум деятелей был озарен более. Его уклонение от гражданской дидактической поэзии было следствием не равнодушия к общественному делу, но слишком для него ясного бессилия такой поэзии <...> Дело поэта – воплощать красоту взамен всех других изменчивых мечтаний" [15, с.10-11]. В доказательство приводятся стихи Полонского "Я красоты не разлюбил..." [1, т.1, с.426].

Но что не вызывает ни у кого сомнения – это национальный характер поэзии, "музы" Полонского. Она его землячка, уроженка земли рязанской, муза детства и идеалов, сердечного тепла, патриотизма. Она "пела"

Про широку степь, – манила	Там, где над обрывом белый
В лес, где зорю ты встречала,	Монастырь и где без окон
Иль поникшей скорбной тенью	Терем Олега, – мелькал мне
Меж могильных плит блуждала.	На ветру твой русый локон.

"Письма к музе" [1, т.2, с.110-111].

В "Письмах к музе" (письмо второе) привлекают емкие картины быта Рязани, при этом мирные события провинциальной жизни введены в контекст исторической судьбы отечества (времена монголо-татарского нашествия). Далее Полонский говорит о своей роли как "рязанского поэта" в будущем России, об "очистительном" предназначении поэзии в обществе и истории. Второе "Письмо к музе", по существу, является поэтической автобиографией Полонского.

Национален и "автобиографичен" образ "бедной няни" в стихотворении "Старая няня" (1876): это воспоминание о "девчонке крепостной", что прибыла в дом Полонских с обозом; "долго плакала, дичилась, непричесанная, неотесанная", стала няней мальчика и соучастницей его детских проказ.

В поэзии патриотизм Полонского проявляется в мотивах ностальгических, "пасторальных" (в смысле идеализации детских и юношеских лет, прошедших на фоне природных красот России), романтико-героических (грезы о великих свершениях), как, например, в поэме "Мечтатель. Юноша 30-х годов XIX столетия". Но лирический герой поэта сознает, что он "кабинетный" воин, не человек действия и отваги. Стихотворение "Детское геройство" (конец 1860-х гг.), посвященное воспоминаниям о детских играх с "врагами", Полонский заканчивает горьким вздохом: "О! для чего всю жизнь не мог / Я быть таким героем!". В молодости он "не сносил ни лжи бездушной, ни деспотизма, ни клевет" ("Спустя 15 лет"), но с годами осталась только мечта о "титанах":

Пора титановских стремлений,
 Дух бескорыстного труда,
 Часы горячих вдохновений,
 Куда умчались вы, – куда!

Новорожденные титаны,
 Где ваши тени! – я один,
 Поклонник ваш, скрывая раны,
 Брожу, как тень, среди руин... [4,
 т.1, с.171].

В отличие от абстрактной поэтической мечты Я.П. Полонского о "титанах", многие его поэты-современники имели гораздо более конкретную мечту о будущем и борьбе за это будущее. В частности, А.Н. Плещеев связывал героическую жертвенность петрашевцев со следованием заветам Христа, а "герои" – его бывшие соратники-петрашевцы. Несомненно, идеал Полонского – поэт-гражданин ("Чайка", "Безумие горя", 1860; "Признаться сказать, я забыл, господа...", 1861; "Одному из усталых", "Двойник", 1862; "Поэту-гражданину", 1864; "Кораблики", 1870 и др.). В Н.А. Некрасове он ценил главное качество: "глядел бойцом, а не рабом" ("О Н.А. Некрасове", 1871). Судьба поэта – с судьбой родины: "Писатель, если только он / Есть нерв великого народа, / Не может быть не поражен, / Когда поражена свобода" ("В альбом К.Ш...", 1864) [4, т.1, с.158].

Но Полонский не знает путей к "свободе истинной – любви и пониманья". Ему, "как поэту, дела нет", "Откуда будет свет, лишь был бы это свет – / Лишь был бы он, как солнце для природы, / Животворящ для духа и свободы, / И разлагал бы все, в чем духа больше нет..." ("Откуда?!", <1870>) [4, т.1, с.188].

Необходимо все менять в мире, где никто "не мыслит без страха". "Хоть сотую долю тяжелых задач / Реши ты нам, жизнь бестолковая", – готов взмолиться поэт ("И в праздности горе, и горе в труде...", <1865>) [4, т.1, с.164]. Но для современности он едва ли не лишний. Главная тема в поэзии Полонского – его собственный внутренний мир, романтически бездеятельный и романтически же трагедийный. Свои гражданские позиции Я.П. Полонский определил еще в 1856 г. в автографе к Л.П. Шелгуновой ("Что ждет меня – венец лавровый..."). Однако окружение поэта (П.Я. Чаадаев, Ф.Н. Глинка, А.Н. Майков, Ф.М. Достоевский, А.Н. Плещеев, Л.Ф. Пантелеев, П.Л. Лавров, М.Л. Михайлов, Н.В. Шелгунов) вовлекает Полонского в его реальной жизни в гущу политических событий эпохи.

С начала 1870-х гг. патриотическая тема получает многогранное решение в творчестве Я.П. Полонского. К концу 1880 – 1890-х годов чувствуется все усиливающееся стремление поэта к жанру мемуаристики, произведениям автобиографического плана: это обуславливает видение своего "я" как в процессе собственного поэтического становления, так и на фоне социальных событий общероссийской значимости. В 1890 г. (№ 2, 6) и 1891 г. (№ 5) "Русский вестник" публикует воспоминания Я.П. Полонского "Старина и мое детство". "Русская школа" в 1890 г. (№ 1, 2) помещает "Школьные годы" – воспоминания поэта об ученичестве в рязанской гимназии. Номера журнала были отосланы в Рязань (А.В. Селиванову) и, с согласия автора, воспоминания

были перепечатаны в № 5 и 6 "Трудов Рязанской ученой архивной комиссии" за 1890 г. [7, с.5].

Я.П. Полонский и ранее включал автобиографический фактаж в художественную прозу, эпизоды детства отразились в рассказах 1850-х годов: "Груня" (1855), "Статуя Весны", "Дом в деревне". Рассказы эти вышли со значительными цензурными изменениями. Рассказ "Груня" (первоначально – "Глаша", принят к публикации "Современником") не был пропущен в печать по причине изображения школы, притом "всякий может вообразить себе, что это гимназия" [6, с.253], а гимназию, вспоминал Полонский, почему-то, изображать в печати запрещено. Рассказ "Статуя Весны" (предложен в "Отечественные записки") – о шестилетнем мальчике, который в школу еще не ходит, – запрещен вследствие "безнравственности" ребенка, который, "глядя на статуэтку, видимо, имел дурные эротические помыслы" [19, с.254].

Лично пережитое и увиденное положено в основу романа-хроники "Дешевый город" ("Вестник Европы", 1879, кн. II-IV), о котором Я.П. Полонский писал А.П. Чехову: "Это вернейшая копия с Одессы и одесского общества в 1845-1846 годах" [20, с.243]. На реальных сюжетах построены кавказские повести "Квартира в татарском квартале" ("Современник", 1853, №4), "Тифлиссские сакли" ("Русское слово", 1859, №4). Это, кстати, предопределило судьбу повести "Тифлиссские сакли": не желая затемнять фактаж художественным вымыслом, Полонский не продолжает работу над произведением, и повествование о судьбе Магданы (в реальности – Софьи Гулгаз) остается незавершенным. "Рассказ "Тифлиссские сакли" я не мог продолжить, – вспоминал Полонский, – потому что цензура в это время моего пребывания в Петербурге не допускала существования любовниц, содержанок и тому подобное. Жива ли теперь эта поразительная красавица Софья Гулгаз..." [3, с.602]. В ранней прозе Я.П. Полонский вполне в соответствии со своими романтическими установками, отдается обаянию экзотики, в чем, безусловно, следует сложившейся литературной традиции.

Автобиографический характер носят и некоторые поэтические произведения большой формы. Например, поэма "Кузнечик-музыкант" (1859), где в аллегорической форме Полонский изображает период гувернерства в доме А.О. Смирновой. Б.М. Эйхенбаум определил стиль поэмы как приближенный к "распространенной в те годы животной карикатуре <...> сопровождавшейся литературным текстом": "Здесь люди изображались в виде животных, но в свойственной людям бытовой обстановке и одежде, в их общественной и домашней среде и т.д. От животных оставались, в сущности, только маски. Так сделано и в "Кузнечике-музыканте" <...> [2, с.535]. В поэме заявлена важная для Полонского проблема бытования гения в обществе, где потребительское отношение к поэзии и творчеству, где "мутила зависть многие головки", где за малый промах "казнит суд великосветский". И все же талант должен побеждать.

"Поэмой мемуарного типа" назвал Б.М. Эйхенбаум незавершенный роман в стихах "Свежее преданье" (1861-1862). Перерабатывая "Свежее преданье", поэт снабдил его кратким содержанием задуманных глав (с 6 по 20) и авторским предисловием: "Это "Свежее преданье", к счастью для нас, потеряло уже свою свежесть <...> Я обременил его подробностями и, быть может, увлекся своими личными воспоминаниями. Продолжать неудавшееся начало не имею сил <...> Печатаю из одного предположения, что некоторые черты тогдашнего московского общества, воспринятые моей юношеской впечатлительностью, мною довольно верно схвачены, но, разумеется, это только предположение" [4, т.1, с.468].

Отношение современников к прозе Полонского очень неровно. Так, незавершенный роман "Признания Сергея Чалыгина" ("Литературная библиотека", 1867, тт.3-6, 8,12) представляет собой художественно-историческое повествование, воссоздающее атмосферу петербургской жизни 1820-х гг., декабристское десятилетие. События писаны с точки зрения подростка. Реальные имена декабристов не названы (за исключением члена Северного общества Г.С. Батенькова, чье имя не значилось в списке руководителей движения и пропускалось цензурой). Воссоздаются отношения А.С. Пушкина с А.Раевским, Чаадаевым (в романе – это Пушкин, Равинин и "Ч-в"). Роман вызвал полемику между И.С. Тургеневым и М.Е. Салтыковым-Щедриным. И.С. Тургенев назвал его "замечательным": "Признания" эти <...> принадлежат к роду литературы, довольно тщательно возделанному у нас в последнее время, а именно – к "воспоминаниям детства". Уступая известным "Воспоминаниям" графа Л.Н.Толстого в изящной отделке деталей, в тонкости психологического анализа, "Признания Чалыгина" едва ли не превосходят их правдивой наивностью и верностью тона – и во всяком случае достойны занять место непосредственно вслед за ними. Интерес рассказа не ослабевает ни на минуту; выведенные личности очерчены немногими, но сильными штрихами (особенно хорош декабрист, друг матери Чалыгина), и самый колорит эпохи (действие происходит около двадцатых годов текущего столетия) схвачен и передан живо и точно" [18, т.15, с.155]. М.Е. Салтыков, напротив, отмечал "разрозненность, случайность, вялость" произведения, отсутствие "животворящего духа": "Какую мысль имел в виду г. Полонский, сочиняя свои "Признания"? Желал ли он представить нам просто картину русского дворянского воспитания, без всякого отношения к тем влияниям, которые имеют это воспитание на образование характера и дальнейшей судьбы человека? или, быть может, имел он в предмете проследить эти влияния и в художественном образе воспроизвести их благотворность или злобредность? – На эти вопросы "Признания" не дают никакого ответа" [10, т.2, с.443].

В конце 1880-х гг. Полонский вновь обращается к временам ученичества в Московском университете (1840-е гг.) и незадолго до смерти отправляется в редакцию ежемесячного литературного приложения к журналу "Нива" "Мои студенческие воспоминания" (1898, [3, с.641-688]). Значение их очевидно.

Здесь не только фрагменты автобиографии, здесь то и дело упоминается о лицах, сыгравших видную роль в русской жизни и в литературе. В редакторской статье отмечается, что "Воспоминания" Я.П. Полонского "доставляют то высокое удовлетворение, которое испытывает человек, когда вступает в общение с идеально настроенною душою" [4, т.2, с.457-458].

Выводы. Широко представленная в творчестве Я.П. Полонского автобиографическая и мемуарная проза является важнейшим источником для его жизнеописания. В значительной степени это относится и к поэзии. Однако, воссоздавая личность поэта из его произведений, следует помнить: непременным условием существования литературного образа поэта есть его сотворенность.

В этом смысле автобиографическая проза Я.П. Полонского ощутимо несет на себе отпечаток работы автора над собственным историко-литературным образом. Его автобиографическое, художественное "Я" отражает "Я" литературное. Художественное положение авторского "Я" – центровое, а мир – вокруг авторской личности. Мудрая созерцательность, спокойствие характеризует "Я" Полонского. Становление "Я" происходит не в страстях и ошибках, как обычно это бывает в жизни, а как бы в процессе накопления жизненного опыта и последовательной реализации данного от Бога потенциала. Еще точнее можно было бы назвать это положение "Я" – как "Я над миром". Доказательство этого тезиса потребовало бы серьезного отвлечения от заданной темы. А потому ограничимся лишь высказанными наблюдениями. В целом же автобиографическая проза Полонского, на наш взгляд, – лишь один из путей создания собственного литературного образа: работа над этим образом становится слишком очевидной для читателя-современника, и писатель-психолог, каким был Я.П. Полонский, никогда не изберет автобиографический жанр в качестве основного пути литературного самопредъявления.

Литература

1. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений: В 5-ти т. – СПб.: Изд. А.Ф.Маркса, 1896.
2. Полонский Я.П. Стихотворения. – Л.: Сов.писатель, 1954. – (Б-ка поэта. – Большая сер. 2-е изд.).
3. Полонский Я.П. Лирика; Проза. – М.: Правда, 1984. – 608 с.
4. Полонский Я.П. Сочинения: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 1: Стихотворения; Поэмы. – 493 е.; Т. 2: Признание Сергея Чалыгина; Женидьба Атуева; Воспоминания. – 463 с.
5. Полонский Я.П. Из дневника. Ноябрь – декабрь 1855 // Голос минувшего. – 1919. – № 1-4. – С. 101-119.
6. Полонский Я.П. Письма к Н.М.Орлову // Новые пропилеи. – М. – Пг., 1923. – Т. 1. С. 40 – 72.
7. Полонский Я.П. Письма А.В.Селиванову. – Рязань: Тип. Губ. правления, 1908. – 4 с.

8. Полонский Я.П. Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж.А.Полонской. 1856 – 1860 гг. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7. – 136 л.
9. Полонский Я.П. Письма А.А.Фету. 6 писем. 1888 – 1892 гг. Рукописные копии. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 1, ед. хр. 26. – 48 л.
10. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Сов. писатель, 1977. – 443 с.
11. Ермилова Г.Г. Художественное своеобразие мемуаров Н.К. Михайловского // Факт и художественный образ: Межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1989. – С. 88 – 98.
12. Никольский Ю. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. – М.-Пг., 1917. – № 5-6. – С. 82 – 127.
13. Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: русская лирическая проза XX века: Учебное пособие. – К.: УМК ВО, 1992. – 96 с.
14. Павлова И.Б. К вопросу об автобиографиях Александра Блока // Факт и художественный образ: Межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1989. – С. 135 – 142.
15. Поливанов Л.И. Вечерний звон. Стихи 1887 – 1890 Я.П. Полонского. Разбор Л.И. Поливанова. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. – 63с.
16. Современные заметки. Письма "Иногороднего подписчика" о русской журналистике. Б. п. // Современник. – СПб., 1854. – Т. 44. – С. 96 – 108.
17. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. – 574 с. – (Из литературного наследия).
18. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28-ми т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин, дом). – Письма: В 13-ти т. – Т. 12, кн. 1: Письма. 1876 – 1878. – М.-Л.: Наука. – 1966. – 760 е.; Сочинения: В 15-ти т. – Т. 15: Корреспонденция. Речи. Предисловия. Открытые письма. Автобиографическое и прочее. 1848 – 1883. – М.-Л.: Наука, 1968. – 495с.
19. Тхоржевский С.С. Высокая лестница // Тхоржевский С.С. Портреты пером. – М.: Книга, 1986. – С. 220 – 349.
20. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л.: Сов. писатель, 1969. – 552 с.
21. XV стихотворений Е.А.Баратынского. Б.п. // Современник. – СПб., 1854. – Т. 47. С. 147-160.

Аннотация

Е.М.Баранская.

Поэзия и проза Я.П.Полонского 1860 – 1690-х годов: автобиографический аспект.

В статье рассматриваются многомерные проявления автобиографизма в творческом наследии поэта XIX в. Я.П. Полонского. Процесс конструирования историко-литературного и «житейского» образа поэта протекает в контексте жизнетворческих тенденций Я.П. Полонского. При реконструкции

авторизованного биографического мифа писательской личности привлекаются как поэзия и проза поэта, так и эпистолярные свидетельства, мемуаристика, дневниковые записи, которые являются наиболее весомыми документальными источниками его жизнеописания.

Ключевые слова: автобиографизм, биография, життєтворчество, літературна особистість, літературно-історический образ, мемуаристика, епістолярій.

Анотація

О.М.Баранська.

Поэзия та проза Я.П. Полонського 1860 – 1890-х років: автобіографічний аспект.

В статті розглядаються багатовимірні прояви автобіографізму у творчій спадщині поета ХІХ ст. Я.П. Полонського. Процес конструювання історико-літературного і «життєвого» образу поета тече у контексті життєтворчих тенденцій Я.П. Полонського. Під час реконструювання авторизованого біографічного міфу письменницької особистості притягуються як поезія і проза поета, так і епістолярні свідчення, мемуаристика, щоденникові записи, які є найбільш вагомими документальними джерелами його життєпису.

Ключові слова: автобіографізм, біографія, життєтворчість, літературна особистість, літературно-історичний образ, мемуаристика, епістолярій.

Summary

H.M.Baranskaya.

Y.P. Polonsky's poetry and prose of 1860–1890 years: an autobiographical aspect

Multidimensional manifestations of autobiographism in the creative heritage of the poet of the 19 century – Polonsky Y.P. are discussed in this article. The process of constructing literary-historical and worldly image of the poet proceeds from the context of Polonsky's life-creative trends. Both the poet's poetry, prose and epistolary-memoir evidence, diary entries, which are the most significant documentary source of his biography, are engaged in the reconstruction of the authorized biographical myth of the writer's personality.

Key words: autobiographism, biography, life & creativeness, literary personality, literary-historical image, memoirs, epistolary.